

УДК 811.161

DOI <https://doi.org/10.24919/2308-4863.4/28.208800>

Татьяна ХРАБАН,

orcid.org/0000-0001-5169-5170

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Военного института телекоммуникаций и информатизации
(Киев, Украина) *Xraban.Tatyana@gmail.com*

Евгений СТЕПАНЕНКО,

orcid.org/0000-0001-8852-5220

кандидат технических наук, начальник
Военного института телекоммуникаций и информатизации
(Киев, Украина) *vitiinfo@mil.gov.ua*

МАНИФЕСТАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ НА ЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ УЧАСТНИКОВ ОПЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ СИЛ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Цель статьи – характеристика механизмов психологической защиты как способов адаптации к боевому стрессу, манифестация которых была обнаружена на языковом уровне в поэтическом творчестве участников Операции Объединенных сил (далее – ООС). Работа ориентирована на комплексный подход, сочетающий психоанализ и дискурс-анализ. Материалом для статьи послужило поэтическое творчество участников Операции Объединенных сил. В ходе исследования текстовые фрагменты были разделены на тематические группы. Признаком принадлежности текстового фрагмента к определенной тематической группе было избрание присутствие когнитивной, эмоциональной или поведенческой доминанты в качестве основной отличительной характеристики механизмов психологической защиты. В ходе исследования были выделены такие механизмы психологической защиты: 1) с когнитивной доминантой, в том числе «формирование чувства собственной значимости», «делание положительной психологической установки с помощью аутоусугестии», «проблемный анализ существующей ситуации» и, как следствие, «принятие ответственности за сделанный выбор», «религиозность», «отрицание», «подавление», «вытеснение», «рефрейминг», «нормализация опыта»; 2) с эмоциональной доминантой, в том числе «агрессия», «формирование чувства солидарности (побратимства)»; 3) с поведенческой доминантой, в том числе «интеракция между участниками ООС», «использование психостимуляторов», «сублимация», «состояние транса». Если механизмы защиты с когнитивной и эмоциональной доминантой находят свое прямое отражение в творчестве участников Операции Объединенных сил в виде лексико-стилистических особенностей текста, то вывод о задействовании механизмов с поведенческой доминантой можно сделать, только опираясь на описательном контексте. Вывод: наиболее гетерогенными являются механизмы психологической защиты, в основе которых когнитивная составляющая. Несмотря на преобладание в целом механизмов защиты с когнитивной доминантой в военно-поэтическом дискурсе наиболее часто фиксируются такие механизмы, как «агрессия» и «формирование чувства солидарности (побратимства)», основой которых является эмоциональная доминанта.

Ключевые слова: механизмы психологической защиты, психоанализ, дискурс-анализ, боевой стресс.

Тетяна ХРАБАН,

orcid.org/0000-0001-5169-5170

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов
Військового інституту телекомунікацій та інформатизації
(Київ, Україна) *Xraban.Tatyana@gmail.com*

Євген СТЕПАНЕНКО,

orcid.org/0000-0001-8852-5220

кандидат технічних наук, начальник
Військового інституту телекомунікацій та інформатизації
(Київ, Україна) *vitiinfo@mil.gov.ua*

МАНИФЕСТАЦІЯ МЕХАНІЗМІВ ПСИХОЛОГІЧНОГО ЗАХИСТУ НА МОВНОМУ РІВНІ В ПОЕТИЧНІЙ ТВОРЧОСТІ УЧАСНИКІВ ОПЕРАЦІЇ ОБ'ЄДНАНИХ СИЛ (ПСИХОЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ)

Мета статті – характеристика механізмів психологічного захисту як способів адаптації до бойового стресу, манифестація яких була виявлена на мовному рівні в поетичній творчості учасників операції Об'єднаних сил. Робота орієнтована на комплексний підхід, що поєднує психоаналіз і дискурс-аналіз. Матеріалом для статті

служує поетична творчість учасників Операції Об'єднаних сил. У процесі дослідження текстові фрагменти були поділені на тематичні групи. Ознакою приналежності текстового фрагмента до певної тематичної групи було обрано присутність когнітивної, емоційної чи поведінкової домінанти як основної відмінної характеристики механізмів психологічного захисту. Були виділені такі механізми психологічного захисту: 1) з когнітивною домінантою, у тому числі «формування почуття власної значущості», «продукування позитивної психологічної установки за допомогою аутосугестії», «проблемний аналіз поточної ситуації» і, як наслідок, «прийняття відповідальності за зроблений вибір», «релігійність», «заперечення», «приглушення», «витіснення», «рефреймінг», «нормалізація досвіду»; 2) з емоційною домінантою, у тому числі «агресія», «формування почуття солідарності (побратимства)»; 3) з поведінковою домінантою, у тому числі «інтерація між учасниками ООС», «використання психостимуляторів», «сублімація», «стан трансу». Якщо механізми захисту з когнітивною й емоційною домінантою знаходять своє пряме відображення у творчості учасників Операції Об'єднаних сил у вигляді лексико-стилістичних особливостей тексту, то висновок про задіяння механізмів з поведінковою домінантою можна зробити, лише ґрунтуючись на описовому контексті. Висновок – найбільш гетерогенними є механізми психологічного захисту, основою яких є когнітивний складник. Незважаючи на те, що переважає загалом механізм захисту з когнітивною домінантою, у військово-поетичному дискурсі найбільш часто фіксуються такі механізми, як «агресія» та «формування почуття солідарності (побратимства)», основою яких є емоційна домінанта.

Ключові слова: механізми психологічного захисту, психоаналіз, дискурс-аналіз, бойовий стрес.

Tetyana HRABAN,

orcid.org/0000-0001-5169-5170

Candidate of Philological Science,

Assistant Professor of the Department of Foreign Languages
of the Military Institute of Telecommunications and Informatization
(Kyiv, Ukraine) Xraban.Tatyana@gmail.com

Yevgeny STEPANENKO,

orcid.org/0000-0001-8852-5220

Candidate of Technical Sciences, Head

of the Military Institute of Telecommunications and Informatization
(Kyiv, Ukraine) vitiinfo@mil.gov.ua

THE MANIFESTATION OF THE PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS AT THE LINGUISTIC LEVEL IN THE POETRY OF THE PARTICIPANTS OF THE JOINT FORCES OPERATION (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

The *aim* of the article is description of defense mechanisms as ways to adapt to combat stress which manifestation is revealed at the language level in poetry of the participants in the Joint Forces Operation. **Materials & Methods.** The work is focused on an integrated approach combining psychoanalysis and discourse analysis. Poetry of the participants in the Joint Forces Operation is intended to serve as an input for consideration of the issue. In the course of the study, text fragments are divided into thematic groups. It is a requirement that predominance of cognitive, emotional or behavioral component as the main distinguishing characteristic of psychological defense mechanisms indicates that a text fragment belongs to a particular thematic group. **Results.** In the course of the study, the following psychological defense mechanisms were identified: 1) with a cognitive dominant, namely: “development a sense of self-worth”, “producing a positive psychological attitude by means of autosuggestion”, “problem analysis of the current situation” and, as a result, “taking responsibility for the choice”, “religiosity”, “denial”, “suppression”, “repression”, “reframing”, “normalization of experience”; 2) with an emotional dominant, namely: “aggression”, “the formation of a sense of solidarity (fraternizing)”; 3) with a behavioral dominant, namely: “interaction between participants in the Joint Forces Operation”, “psychostimulants use”, «sublimation», «trance state». If defense mechanisms with cognitive and emotional dominance are directly reflected in the poetry of participants in the Joint Forces Operation in the form of lexical and stylistic features of the text, then the conclusion about the use of mechanisms with behavioral dominant can infer from a descriptive context. **Conclusions.** The most heterogeneous are the mechanisms of psychological defense with a cognitive dominant. Despite the predominance of defense mechanisms with cognitive dominance, such mechanisms as “aggression” and “the formation of a sense of solidarity (fraternizing)” based on the emotional dominant are most commonly revealed in the military-poetic discourse.

Key words: psychological defense mechanisms, psychoanalysis, discourse analysis, combat stress.

Постановка проблеми. Спецификой современного военного конфликта является превалирование потерь, связанных с получением «боевой психической травмой», над числом прямым потерь (погибшие, раненые). Поэтому проблема боевого стресса и его психотравмирующего воз-

действия на личность является крайне актуальной не только для военной психиатрии, но и в рамках междисциплинарных исследований (Евдокимов и др., 2018). Поскольку имманентным свойством языка является выражение психологических (эмоциональных) состояний и переживаний человека

через особые единицы языка и речи, то проблематика боевого стресса как комплексного понятия и многогранного феномена сегодня все чаще становится объектом исследования различных лингвистических направлений (социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсологии). В настоящее время в научной литературе термин «стресс» рассматривается как система неспецифических реакций организма в ответ на воздействие самых различных факторов (стрессоров) и используется для описания состояний индивида в экстремальных для него условиях на психофизиологическом, субъективно-психологическом и поведенческом уровнях (Баскакова, 2010). Боевой стресс определяется как совокупность психических изменений (нарушений), переживаемых военнослужащими в процессе адаптации к специфическим условиям боевой обстановки (боевым стрессорам), которые сопровождаются значительно превосходящими повседневный уровень по длительности и интенсивности психическими и физическими нагрузками, психогенными влияниями ранений и травм, переживаниями наблюдаемых случаев гибели людей (Евдокимов и др., 2018, Breslau, Kesslerb, 2001). Боевой стресс сопровождается активизацией механизмов реактивной саморегуляции и в идеале должен приводить к формированию адаптивных стрессовых реакций и к повышению адаптивности организма к факторам боевой обстановки в целом (Евдокимов и др., 2018: 4). Такие процессы соотносятся с такой категорией психологической регуляции, как «совладание», включающей в себя как бессознательные, так и осознанные защитные реакции (Tan, Yip, 2018). Совладающее поведение личности многими исследователями характеризуется посредством понятия «механизм психологической защиты» (далее – МПЗ). Общими чертами всех видов психологической защиты являются такие: бессознательность реагирования; направленность на редукцию психологического дискомфорта, а не реальный поиск выхода из ситуации (Juni, 1998); несообразность по отношению к требованиям ситуации; искажение восприятия действительности и самого себя (Баскакова, 2010).

Анализ исследований. Проблема совладания с жизненными трудностями активно исследуется в психологии, психолингвистике, социологии, педагогике, гендерологии на материале разных видов деятельности. Для подготовки этой статьи значимыми являются научные работы в области психологии и психолингвистики С. Поройкова (Поройков, 2016) (охарактеризована концепция, согласно которой защитные механизмы на семан-

тическом уровне отражает система известных философских принципов и законов); А. Зуйковой (Зуйкова, 2013) (исследованы механизмы дезадаптивных изменений в различных система организма в отдаленном периоде после воздействия боевого стресса и травм); А. Утюганова (Утюганов, 2013) (рассмотрены закономерности трансформации смысловой сферы военнослужащих, переживших боевой стресс); А. Mattila, B. Crandall, S. Goldman (Mattila et al, 2011) (представлено теоретико-экспериментальное исследование проблем боевого стресса и постстрессовых состояний); W. Nash, J. Alam, M. Dulal, M. Knežević, D. Krupić, O. Šučurović (Nash, 2007; Alam, Dulal, 2018; Knežević et al., 2016) (описаны различные психологические состояния у ветеранов боевых действий в различные временные периоды после воздействия боевого стресса и травм) и другие.

Цель статьи – характеристика механизмов психологической защиты как способов адаптации к боевому стрессу, манифестация которых была выявлена на языковом уровне в поэтическом творчестве участников Операции Объединенных сил.

Изучая речь как психофизиологический процесс порождения и восприятия речевых высказываний, различные виды и формы речевой коммуникации и ее психологическое содержание, а также связь между содержанием, мотивом, формой речевой деятельности и структурой элементов языка, использованных в речевом высказывании, психолингвистика входит в предметную среду психологии. Поэтому данная работа ориентирована на комплексный подход, объединяющий психоанализ и дискурс-анализ. Психоанализ позволил трактовать контекст поэтического творчества участников Операции Объединенных сил с точки зрения психологического учения о бессознательном. Дискурс-анализ обеспечил выявление на семантическом уровне психологических (эмоциональных) состояний военнослужащих и их переживаний, отражающих процесс адаптации к условиям боевой обстановки.

Изложение материала. В ходе исследования текстовые фрагменты были поделены на тематические группы (далее – ТГ). Признаком принадлежности текстового фрагмента к определенной ТГ было выбрано присутствие когнитивной, эмоциональной и поведенческой доминанты в качестве основной отличительной характеристики МПЗ.

1. Защитные механизмы с когнитивной доминантой (47% выборки). Такие механизмы задействуются субъектами, для которых типичными являются формы мышления, направленные на

анализ возникших трудностей (Bouchard at al, 2004). Были выявлены такие механизмы:

– «формирование чувства собственной значимости» (13%). В психологической и психотерапевтической литературе подчеркивается важность для психологического равновесия человека чувства собственной значимости (Crocker, Major, 1989). Анализ военно-поэтического дискурса доказал, что в первую очередь военнослужащие, переживающие состояние боевого стресса, испытывают потребность быть нужными. Чаще всего за этой потребностью скрывается желание получить ободрение и признание (*Конец войны придет, бесспорно. И этот день приблизим мы. И день Победы, безусловно, войдет в историю страны*), которое может реализовываться в военно-поэтическом дискурсе как требование (*Щоб розуміли воїни, солдати, що ми потрібні вам на цій землі*). Переживание чувства собственной значимости обостряется, когда человек находится в зоне проведения боевых операций, и выступает как ценностно-смысловой вектор, на который субъект ориентируется в данный момент или в жизни в целом, «оно базируется на многомерной рефлексии себя в социокультурном контексте, это обживание, переживание, проживание и проигрывание себя, своего «Я» в перспективе возможного будущего, иногда просто запредельного» (Шаров, 2018: 56) (*Они войдут в учебники истории, и памятью останутся в сердцах*). Чувство собственной значимости для субъекта «выступает более всего в аффективной активности как чувство, чувствование и чувствительность по отношению к себе, своей жизни и при взаимодействии с социокультурным миром» (Лэнгле, 2004) (*Не позволила совесть свой нарушить приказ, не дала оставаться от беды в стороне... Чем до смерти терзаться – лучше смерть на войне*). Поскольку мир в стране в настоящее время становится основной ценностной ориентацией для народа Украины, когнитивный защитный механизм военнослужащего формирует Я-концепцию личности как гаранта мира в своей стране (*Скажи мне, солдат, чего ради ты лучшие годы свои проводишь под взрывы снарядов, под частые залпы огня? – Країна моя в небезпеці... Родину залишив в тилах, та краще, ніж стіни фортеці, заряджена зброя в руках; Мы уж тут до конца, до упора весь БК до расплава ствола... Только б тихо ложилась на город невесомые крылышки сна; Не прояви герои доблесть, то сколько б крови пролилось? На жертвенник войны ложатся Отчизны лучшие сыны*). Формирование чувства собственной значимости может происходить на уровне меж-

личностных отношений. Так, для субъекта важна уверенность, что его ждут дома: *Я живой, допоки мене ждеш;*

– «продуцирование положительной психологической установки посредством аутосуггестии» (8%). Субъект под воздействием боевого стресса ощущает необходимость блокировать негативные факторы и прибегает к положительному самовнушению, которое ведет к повышению уровня саморегуляции и позволяет управлять процессами внимания, памяти, эмоциональными и соматическими реакциями (Сагг, 2019). Положительная психологическая установка включает в себя такие компоненты, как оптимизм (*Верю я, Украина проснетя, снова вишни в садах зацветут, от войны, от беды отряхнется, и дома все отстроятся тут. Верим мы, не снимая разгрузок, не откладывая автомат, не раскиснув от жестких нагрузок, не включая по лексике мат...*), веру в благоприятный исход любой ситуации (*А мы еще восстанем! Мы воскреснем! И в день победы соберемся вместе!*), надежду (*Сподіваємось залишитись живими; Наперекор своей расписанной судьбе на счастье уповаем; Впаде зоря, я повернусь додому, назавжди повернувшись із війни...*), терпение и сосредоточенность на решении поставленной задачи (*Мы не закончили всех дел с тобой, с тобой мы мало песен спели*).

В военно-поэтическом дискурсе произвольное самовнушение основывается на использовании архетипа «герой», который находит свое воплощение в образах воина, козака, «настоящего мужчины» (*Не сумуй, козаче! Не журися, воїн! Ви – святі герої на своїй землі!; Никто из нас не мог иначе. Сегодня – мы, они – тогда. Такая у мужчин задача – стать в строй, когда пришла беда*). Этот архетип детерминирует способности восприятия реальности, делает психику восприимчивой к определенной информации, является мощнейшим психологическим рычагом, с помощью которого создается определенная модель поведения «преодолевать препятствия, не сдаваться» (Юнг, 2016). Апелляция к архетипам формирует вполне конкретный посыл, побуждение к нужному действию – справиться с трудностями, победить (*Ти воїн, ти козак і ти побореш втому! І ворога здолаєш у бою!; Вставай, козак, борись!; Да! Мы должны! Ведь мы – мужчины...*). Спецификой аутосуггестии в военно-поэтическом дискурсе является обращение к себе от третьего лица в императивной форме, которая является привычной в специальном языке военных команд для создания иллюзии, что передается приказ непосредственно от командира к подчиненному.

Такой подход облегчает психологическое восприятие нужного посыла для активизации защитного механизма совладания со стрессом: *(Ти вернешся живим додому... Ти вернешся живим неодмінно. І по-іншому й думати не смій!)*.

«Продуцирование положительной психологической установки» может проявляться и в другом ракурсе – как установка своего превосходства над противником *(Слава воїнам АТО, не здолає нас ніхто!)* В данном случае защитный механизм совладания со стрессом направлен на преодоление страха и неуверенности в себе – чувств, которые усугубляют состояние психологического напряжения, связанного с боевым стрессом;

– «проблемный анализ сложившейся ситуации» и, как следствие, «принятие ответственности за сделанный выбор» (6%). Принятие ответственности наступает в случае, когда субъект готов признать себя причиной того, что произошло с ним, то есть происходящие события – это результат его свободного выбора *(Мы убегаем на войну от окружающей нас боли, от заявлений на развод, от незнакомой всем нам роли. От серых глаз и темной ночи, от слова «нет» и старых песен.... Мы удаляемся в войну, нам город мал и мир нам тесен...)*. Когнитивный защитный механизм принимает адаптивную форму в том случае, когда проблемный анализ сложившейся ситуации приводит к осознанию последствий сделанного выбора *(І вибір тут один – лише стріляти, щоб мертвим не вернуться назад...)* и готовности субъекта следовать своему выбору *(Це мій вирок і вибір: я не покину борт...)*. В случае, когда субъект, столкнувшись с последствиями своего решения, принимает роль жертвы, начинает жаловаться, искать, на кого бы свалить ответственность *(Я делал то, что командир прикажет, Я ЖЕРТВА этой гребаной ВОЙНЫ...)*, защитный механизм расценивается как неадаптивная реакция на боевой стресс;

– «религиозность» (6%). Обращение участников ООС к религиозности как защитному механизму не случайно, так как исследования доказали, что использование этого механизма учащается, когда человек приближается к смерти (Bosworth et al., 2003) *(Там лишь вера меня спасала, как таблетка, как электрошок; Я помолюсь. Так щиро й довго, хоча не вірю у богів...)*. Реакция утраты на смерть боевого товарища может проявляться в переоценке ценностей и поиске источника утешения, а религиозная вера дает человеку убежище и опору в трансцендентном и абсолютном (Pargament, 2001) *(Снова грустные сводки из фронта! Но не жертвы то смерти слепой! Это*

ангелы нас защитили, и вернулись на небо домой!). Основой религиозности как механизма психологической защиты в условиях боевого стресса являются архаические верования в неизменную защиту со стороны божественного спасителя *(Ангелы мои, помогите мне; Молились ребята, и Бог их услышал)*. Субъект ищет безопасности путем соединения с высшей силой, что проявляется в интимно-личностном характере общения человека с Богом. Бог ощущается не как метафизическая категория, а как интимный собеседник и друг, что подтверждается текстовым фрагментом, описывающим диалог воина и Бога как двух боевых соратников: *Для вас измена грех и трусость грех, зато за всех несете общий крест. Я тоже как-то умирал за всех не в самом комфортабельном из мест. Пробито тело, солнце жгло огнем... Да что я? Ты все пробовал и сам. Поэтому друга друга мы пойдем, не обращаясь вовсе к чудесам. Ну, мне пора. Архангелы трубят. Пора за Свет обоим воевать. Ты постарайся, береги себя! Я не всегда сумею прикрывать*. Часто с Богом в военно-поэтическом дискурсе отождествляется любовь. Этот факт подтверждает идентификация женщины с ангелом, а любви – с небесной броней, которая оберегает солдата от смерти *(Одна здесь надежда – на Бога. И ту, что ждёт дома, Любовь; Не страшно в очи смерти, коли ангел мій зі мною, броню кохання твого я на тіло одягнув. Байдуже кулі свист, моєї тут немає. В думках чарівна посмішка твоя, і смерть сили кохання ніколи не здолає; Незримий ангел нас любовью родных и близких укрывал)*;

– «отрицание» (5%). Анализ военно-поэтического дискурса доказал, что при задействовании этого защитного механизма субъект отвергает смерть как неприемлемую для него реальность. На когнитивном уровне отрицание смерти – в поиске бессмертия, что проявляется в двух модусах. Первый характеризуется тем, что осознание смертности побуждает человека к поиску смысла смерти *(Та знай, що жертву людству здійснив ти не дарма; Я – Двухсотий. Исполнив долг, приняв жребий судьбы безропотно, я старался делать, что мог, как бы ни было это хлопотно)*. В этом случае субъект ищет бессмертие в памяти живых *(Не прощайся, ушли, об одном лишь просили – помнить; Не списывайте нас в небытие! Нас, призраков для вас войны далекой!; Ведь живы мы, пока нас не забыли...)*. Второй модус – вера в бессмертие на уровне религиозного сознания *(Желаю мягких облаков; Из стылого окопа на небо я шагнул)*. На лексическом уровне отрицание смерти выражается в подмене понятий. Так,

лексические единицы с ядерным семантическим компонентом «смерть» заменяются метафорами, в которых семантический компонент, вызывающий негативные эмоциональные реакции, утрачивает свою обязательность и квалифицируется уже как периферийный (*Не знаємо, чи будемо живі, чи замість нас розквітнуть маки; ...у ангелів в плену; В разведку если позовут меня на небеса*);

– «подавление» (3%). Направлено на уменьшение отрицательных и травматических переживаний путем устранения воспоминаний о событии, а также связанных с ним эмоций и чувств (Aхmacher et al., 2010) (*Научите меня забывать! Забывать все печали, невзгоды, вскользь прошедшие годы смотреть, забывая ненастья суровой погоды...*);

– «вытеснение» (3%). «Вытеснение» представляет собой бессознательный процесс, который часто актуализируется во сне (Garssen, 2007) (*Я сьогодні літав над Донецьком, я сьогодні над домом літав. Мамо, так, ще ціла наша хата, хоч самотня й забута давно. Я почав біля неї кружляти, зазираючи в кожне вікно. Ніби зараз у кожну кімнату я заходжу й дивлюся на всіх – ось живий посміхається тато... Ось дідуся – такий самий, живий*). Важное место в реализации механизма вытеснения занимают эмоции – позитивные, ресурсные воспоминания поддерживают, наполняют жизненной энергией, дают силы справиться с трудностями, помогают поверить в себя (*Наша память вернет в прошлое, то, которое не забыть, мы воюем за все хорошее, за которое стоит жить!*). Мощным психологическим ресурсом являются воспоминания детства (*Мне бы скрыться туда, где все ровно и прямо, где все честно, без пакости и без наживы... Забери меня в детство, пожалуйста, мама!!! Где друзья мои молоды и еще живы!*). Другим проявлением защитного механизма «вытеснение» является эскапизм в виде ухода в мечты и фантазии. Временный уход в иллюзорный мир является своеобразным ответным реагированием организма на боевой стресс (*О чем мечтает здесь солдат? Поспать немного в тишине, глаза любимые увидеть. Забыть на время про войну, и никогда ее не видеть!; I навіть, коли я лежу в окопі, ніколи не думаю про могилу... Я мрію про дім, про роботу, сім'ю, як же хочу скинути з себе броню...*);

– «рефрейминг» (2%). Предположение об эффекте рефрейминга как защитного механизма строится на идее субъективности отношения человека к событиям окружающего мира. Многоаспектность происходящего события позволяет рассматривать его в разных ракурсах, что дает

возможность увидеть преимущества в том, что раньше воспринималось как источник стресса. При этом следует отметить, что в процессе рефрейминга оценка фактов не является логическим процессом и имеет индивидуальных особенностей для каждого субъекта (Jing et al., 2019). Для участников Операции Объединенных сил оценка ситуации основывается на приоритетности в выборе нравственно-моральных ценностей. Чувства долга, совести, воинской чести становятся теми регуляторами общественных отношений, которые помогают выжить в условиях нахождения в зоне военных действий. Поэтому направленность субъекта на конкретные нравственно-моральные ценности коллектива как залог его личной безопасности побуждает к переоценке стрессовой ситуации в положительную сторону (*А там – много горя, героизма и злости, становится видно, какой кто есть пробы. А здесь – все запутано. Сложно. Не просто. Вокруг много фальши, карьерного роста. Здесь режут глаза нищета и богатство, бездушие многих, их зависть, коварство...; ... чем глубже в тыл, тем громче крики «Вперед!», «Победу!», «Зрада!», «Зрада!». На передке порядком тише и мысли выше, взоры чище воды; И командиры нас учили мужеству, премудростям и хитростям войны, быть верными присяге и содружеству, и тем вещам, что истинно ценны*). На языковом уровне рефрейминг манифестируется в использовании антитезы (стилистической фигуры контраста, заключающейся в резком противопоставлении понятий, образов, состояний, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом);

– «нормализация опыта» (1%) (*Таких, як я, в нас тут багато, всі чийсь діти чи батьки. Усіх чекає вдома мати, без них зростають дітлахи. Ми – воїни! Ми – патріоти! Тут кожен – України син; Вставай з колін, козаче милий, кордони неньки збережи. Вставай!.. Бо ти не єдиний, хто втрату побратима пережив*). Действие такого защитного механизма связано с анализом ситуации, являющейся причиной негативного эмоционально-психологического состояния, и может быть выражено как психологическая установка «я не первый и не последний, кто испытывает такой опыт». Чувство, что субъект не является исключением, и то, что с ним происходит, – нормально и естественно, редуцирует негативное воздействие боевого стресса. На лексическом уровне этот защитный механизм проявляется в использовании специализированных знаков интеграции: лексем совместности (*не єдиний, нас тут багато*); формулы причастности (*тут кожен, усіх чекає*), местоимения «мы»

(*Ми – воїни! Ми – патріоти!*); вокативов с коннотацией «мы» (*Тут кожен – України син*), прагмемов (*побратими*).

2. Защитные механизмы с эмоциональной доминантой (42%):

– «агрессия» (24%). Агрессия определяется как защитный механизм, направленный на устранение или сведение до минимума чувства тревоги, отчаяния, страха и тому подобных, связанных с осознанием опасности (Junі, 1998: 314). Рассматривая вопросы активизации защитных механизмов совладания с боевым стрессом, агрессию следует рассматривать как потребность субъекта в получении выхода психической энергии и разрядки психического возбуждения. В военно-поэтическом дискурсе участников ООС были отмечены как прямая агрессия, направленная на непосредственный источник фрустрации (*А я все больше ненавижу тех, кто в нас свое оружие направил. И ненавижу тех, кто на войне свои приумножает капиталы; Коли начальники дурні, – то й воїни в полоні; Проложите маршрут сквозь траншею, сквозь окопы и сквозь блиндажи, где солдаты, себя не жалея, бьются с «Рашкою» не за гроши. А потом отправляйтесь с комфортом к тем, кто предал, унизил, солгал. Согласившись на сделку с чертом, от солдата не ждите похвал...*), так и косвенная (смещенная) агрессия, направленная на объект, который может быть связан с источником фрустрации, но может и не иметь к нему никакого отношения (Cramer, 2002) (*Вы в тылу, словно злые крысы! Раздираете край мой родной! Ваши деньги – солдатские жизни! Ваши души – могильник пустой!; Як ми ненавидим цей світ за лицемірство і підстави!*). Основным средством выражения агрессии в военно-поэтическом дискурсе являются эмотивные единицы (*чортів мат, крысы, «Рашка», поздыхать, гниды, злость, предал, унизил, солгал, вбивці, ни совести, ни сраму, дурні*), тогда как стилистические приемы (антономазия, гипербола, парадокс, антитеза и другие) лишь углубляют вербальную передачу агрессии (*Щоб тобі, «голуб», удавиться, недоміркуватий люцифер!; Ви зазіхнули на чуже. Вам Бог суддя. В чужій землі свої залишите ви трупи... Хто ще живий, то забирайте звідси дуни! У цій війні на вас чекає забуття*);

– «формирование чувства солидарности (побратимства)» (18%) (*Солдат на поле верою живет, на братство боевое уповаю*). Первоначально это чувство возникает на базе эмоционального сопереживания, ведь все участники ООС когда-то оставили за спиной университет, увлечения, привычки, работу, семью и отпрати-

лись в зону боевых действий. Следующим этапом процесса солидаризации в зоне ООС становится сплочение единомышленников с определенным сочетанием взглядов, норм, ценностей, осмысленным активным отношением субъекта к событиям, ситуациям, процессам (Armstrong, 2018). В условиях военных действий чувство солидарности проявляется в формировании боевого братства (побратимства). Центральный механизм побратимства заключается в том, что ощущение рядом «плеча товарища» наделяет военнослужащих эмоциональной энергией, заставляет их чувствовать уверенность, энтузиазм и желание действовать так, как они считают морально правильным (Злобіна та ін., 2016: 140) (*Сила в наших сердцах и вжатии рук, где в идущих рядах – верный преданный друг*). Именно этот эмоциональный компонент позволяет отнести формирование побратимства к защитным механизмам преодоления боевого стресса. На лексическом уровне этот защитный механизм проявляется в использовании специализированных знаков интеграции: лексем совместности (*Со мной рядом ребята отличные, им не ведомы слабость и страх; І перемоги прапори піднявши, повторимо ще раз «НИХТО, КРИМ НАС»*); формул причастности (*Багато нас, хто в темну ніч їх чує глас. Ми винні їм наше буття! Ми маєм випалить сміття! Та відвернути від дітей те пекло з тисячі смертей...*), местоимения «мы» (*Мы боремся! Мы все еще живые! Хотя друзья нас всех похоронили! И жизнь солдата стала ничем!*); вокативов с коннотацией «мы» (*Вірні побратими! Друзі бойові! Ви тримали небо, лицарі-герої! Не зганьбили Неньки, вірні сини!*), прагмемов, функцию которых выполняют лексемы *брат, семья, друг, солдат, воин* и другие (*Ти бачив, як вітаються солдати? Тому що день новий – нове життя, тут кожен бачить поряд друга, брата! Ми всі – сім'я, бо справжні відчуття ріднить близьких по духу. Привітає мене хлопчина в камуфляжі теж...*).

3. Защитные механизмы с поведенческой доминантой (11%). Следует отметить, что, если МПЗ с когнитивной и эмоциональной доминантой находят свое прямое отражение в творчестве участников ООС в виде лексико-стилистических особенностей текста, то вывод про задействование механизмов с поведенческой доминантой можно сделать, только опираясь на описательный контекст:

– «интеракция между участниками ООС» (5%), где находит свое отражение эмоциональный защитный механизм «формирование боевого братства (побратимства)» (*Мне из АТО звонят*

ребята, мне как родные все давно). Эффективность интеракции основывается на совместимости его субъектов на социально-психологическом уровне и включает в себя сходство интересов, ценностей, идеалов и так далее (Taylor et al., 2011), которое формируется на эмоциональном уровне под воздействием совместной деятельности. За психологической разрядкой и/или поддержкой участники ООС также обращаются к психологам (*Расскажи мне, психолог, сказку, ты всегда говоришь хорошо...; Друг мой, психолог! Я безнадежно болен...; Ты же чувствуешь, мой психолог, что я зол и от злости себя клянусь...*). Лексемы совместности (*друг мой; мой психолог*) являются показателями продуктивности таких поведенческих защитных механизмов;

– «использование психостимуляторов» (4%) (*Дайте, дайте, мне напиться всем смертям на зло; Хтось забув, який п'є стакан*). Редукция интенсивного психоэмоционального напряжения зачастую осуществляется посредством деструктивных форм поведения, в частности алкоголизации. «Стрессоредуцирующее действие алкоголя проявляется в трансформации способа интерпретации проблемной ситуации, что создает иллюзию ее разрешения. Таким образом формируется аддиктивный вариант совладания, направленный не на устранение стрессора, а на достижение искусственного облегчения эмоционального состояния» (Чхиквадзе, Беляева, 2018: 95) (*Только не лечат ни сила, ни воля... И бесполезен от этого алкоголь...; Ночами удома не вий, осушив п'яту зірку в бокалі до ранку*);

– «сублимация» (1%). Вектор такого механизма психологической защиты направлен на бессознательное гашение отрицательной психической энергии физическим или умственным трудом (*Хтось коту дошиває «тельніка»*). Механизм защитной реакции экспрессивного (творческого) типа, актуализирующийся при написании стихотворений, также состоит в замещении внутренней тревожности переключением на другое занятие и относится к «сублимации»;

– «трансовое состояние» (1%). Разновидностью гипнотического (трансового) состояния предстает замороженность красотой (Поройков, 2016), которая сопряжена с проявлением архетипа, привносящего «зачаровывающий» эффект в сознание субъекта (Юнг, 2006: 85) (*Лежу на вогкій я землі і слухаю природу: сова летить, цвіркун дзюрчить, комаха – п'є он воду...*).

Выводы. Анализ военно-поэтического дискурса участников Операции Объединенных сил доказал, что их творчество отображает действие механизмов психологической защиты в процессе адаптации военнослужащих к специфическим условиям боевой обстановки. Наиболее гетерогенными являются механизмы психологической защиты, основой которых является когнитивная составляющая. Несмотря на преобладание в целом механизмов защиты с когнитивной доминантой (47%) в военно-поэтическом дискурсе наиболее часто фиксируются такие механизмы, как «агрессия» (24%) и «формирование чувства солидарности (побратимства)» (18%), основой которых является эмоциональная доминантна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баскакова, С. А. Современные представления о способах совладания с психическими расстройствами. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2010. С. 88–96.
2. Евдокимов В. И., Рыбников В. Ю., Шамрей В. К. *Боевой стресс: наукометрический анализ отечественных публикаций (2005–2017 гг.)*. Санкт-Петербург: Политехника-принт, 2018.
3. Зуйкова А. А. Особенности адаптации после воздействия боевого стресса и травм: монография. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Гос. мед. Академии, 2013.
4. Злобіна О. Г., Шульга М. О., Бевзенко Л. Д. Соціально-психологічні чинники інтеграції українського соціуму. Київ : Інститут соціології НАН України, 2016.
5. Лэнгле А. Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности. *Вопросы психологии*. 2004. № 4. С. 3–21.
6. Поройков С. Ю. Философско-психологический подход к систематизации защит. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2016. № 2 (42), С. 19–30. URL: http://www.mpsu.ru/mag_novoe_content.
7. Утюганов А. А. *Особенности смысловой сферы военнослужащих ВВ МВД России, переживших боевой стресс : монография*. Новосибирск : НВИ ВВ им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России, 2013.
8. Чхиквадзе Т. В., Беляева Е. Н. Особенности копинга и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Психология и педагогика»*. 2018. № 1, С. 94–108. DOI 10.22363/2313-1683-2018-15-1-94-108.
9. Шаров А. С. Базовый феномен «Я-концепции»: чувство собственной значимости. *Гуманитарные исследования*. 2018. № 1 (18). С. 55–58.
10. Юнг К. Г. *Очерки по психологии бессознательного*. Москва : Когито-Центр, 2006.
11. Юнг К. Г. Архетип и символ. Москва : Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. URL: <https://bookap.info> > psyanaliz > yung_arhetip_i_simvol.

12. Alam J., Dulal M. Coping Strategies of Stress Tolerance in Relation to Military Training. *Global Journal of HUMAN-SOCIAL SCIENCE: A Arts & Humanities – Psychology Type*. 2018. URL: https://globaljournals.org/GJHSS_Volume18/1-Coping-Strategies-of-Stress.pdf.
13. Armstrong K. I. Feel Your Pain’: The Neuroscience of Empathy. 2018. URL: <https://www.psychologicalscience.org/observer/i-feel-your-pain-the-neuroscience-of-empathy>.
14. Axmacher N. et al. Natural memory beyond the storage model: repression, trauma, and the construction of a personal past. *Frontiers in human neuroscience*. 2010. № 4, C. 211. DOI:10.3389/fnhum.2010.00211.
15. Bosworth H. B., Kwang-Soo P., Douglas R. The impact of religious practice and religious coping on geriatric depression. *Int. J. Geriatric Psychiatry*. 2003. № 10, C. 905–914.
16. Bouchard G., Guillemette A., Landry-Leger N. Situational and dispositional coping: an examination of their personality, cognitive appraisals and psychological distress. *European Journal of Personality*. 2004. № 18. C. 221–238.
17. Breslau N., Kessler R. The stressor criterion in DSM-IV posttraumatic stress disorder: an empirical investigation. *Biol Psychiatry*. 2001. № 50 (9), C. 699–704. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0006-3223\(01\)01167-2](https://doi.org/10.1016/S0006-3223(01)01167-2).
18. Carr A. Positive Psychology and You: A Self-Development Guide. Routledge. 2019. URL: <https://www.amazon.co.uk/Positive-Psychology-You-Self-Development-Guide-ebook/dp/B07WJNCBR8>.
19. Cramer P. Defense mechanisms, behavior and affect in young adulthood. *Journal of Personality*. 2002. № 70 (1), C. 103–126.
20. Crocker J., Major B. Social stigma and self-esteem: The self-protective properties of stigma. *Psychological Review*. 1989. № 96 (4), C. 608–630.
21. Garssen B. Repression: Finding our way in the maze of concepts. *Journal of Behavioral Medicine*. 2007. № 30 (6), C. 471–481. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10865-007-9122-7>.
22. Jing J., Liu W., Reed M. Reframing the individual stress response: Balancing our knowledge of stress to improve responsivity to stressors. *Stress & Health*. 2019. № 5. C. 607–616. URL: <https://doi.org/10.1002/smi.2893>. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/smi.2893>.
23. Juni S. The defense mechanisms inventory: Theoretical and psychometric implications. *Curr Psychol*. 1998. № 17. C. 313–332. DOI: 10.1007/s12144-998-1014-7.
24. Knežević M., Krupić D., Šučurović O. S. Coping strategies in war veterans 20 years after the exposure to extreme stress. *Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja*. 2016. № 3. C. 354–370. URL: C:/Users/master/Downloads/di133_04knezevic.pdf.
25. Mattila A. M., Crandall B. D., Goldman S. B. U. S. Army combat operational stress control throughout the deployment cycle: a case study. *Work*. 2011. № 38(1), C. 13–8. DOI: 10.3233/WOR-2011-1100.
26. Nash W. P. Combat/operational stress adaptations and injuries. In C. R. Figley & W. P. Nash (Eds.). *Routledge psychosocial stress series. Combat stress injury: Theory, research, and management*. 2007. C. 33–63.
27. Pargament K. I. *The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice*. New York, Guilford Press, 2001.
28. Tan S. Y., Yip A. Hans Selye (1907–1982): Founder of the stress theory. *Singapore medical journal*. 2018. № 59 (4). C. 170–171. DOI:10.11622/smedj.2018043.
29. Taylor L. S. et al. Out of my league: A real-world test of the matching hypothesis. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011. № 37 (7). C. 942–954. DOI: <http://dx.doi.org.ezaccess.libraries.psu.edu/10.1177/0146167211409947>.

REFERENCES

1. Baskakova, S. A. (2010). Sovremenny'e predstavleniya o sposobakh sovladaniya s psikhicheskimi rasstrojstvami [Modern views on coping with mental disorders]. *Soczial'naya i klinicheskaya psixhiatriya – Social and Clinical Psychiatry*, 88–96.
2. Evdokimov, V. I., Ry'bnikov, V. Yu., Shamrej, V. K. (2018). *Boevoy stress: nauko-metricheskij analiz otechestvenny'kh publikacij (2005–2017 gg.)* [Combat stress: scientometric analysis of domestic publications (2005–2017)]. SPb.: Politehnika-print.
3. Zujkova, A. A. (2013). *Osobennosti adaptacii posle vozdejstviya boevogo stressa i travm: monografiya* [Features of adaptation after exposure to combat stress and injuries: monograph]. Iz-vo Nizhegorod. gos. med. Akademii.
4. Zlobina, O. G., Shul'ga, M. O., Bevzenko, L. D. (2016). *Socialno-psychologichni chynnyky integraciyi ukrayinskogo sociumu* [Socio-psychological factors of integration of Ukrainian society]. Kyiv: Instytut sociologiyi NAN Ukrayiny.
5. Lenge, A. (2004). Vvedenie v ekzistencijalno-analiticheskuyu teoriyu e'moczij: prikosnovenie k czennosti [Introduction to the existential-analytic theory of emotions: a touch of value]. *Voprosy' psixhologii – Psychology Issues*, 4, 3–21.
6. Porojkov, S. Yu. (2016). Filosofsko-psixhologicheskij podkhod k sistematizacii zashhit [Philosophical and psychological approach to the systematization of defenses]. *Novoe v psixhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh – New in psychological and pedagogical research*, 2 (42), 19–30. URL: http://www.mpsu.ru/mag_novoe_content.
7. Utyuganov, A. A. (2013). *Osobennosti smyslovoj sfery voennosluzhashchikh VV MVD Rossii, perezvivshikh boevoy stress: monografiya* [Peculiarities of the semantic sphere of servicemen of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation who survived combat stress: monograph]. Novosibirsk: NVI VV im. generala armii I. K. Yakovleva MVD Rossii.
8. Chkhikvadze, T. V., Belyaeva, E. N. (2018). Osobennosti kopinga i mekhanizmov psixhologicheskoy zashhity' u licz s alkalogol'noj zavisimost'yu [Features of coping and psychological defense mechanisms in individuals with alcohol addiction]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psixhologiya i pedagogika – Bulletin of the RUDN. Series: Psychology and Pedagogy*, 1, 94–108. DOI 10.22363/2313-1683-2018-15-1-94-108.
9. Sharov, A. S. (2018). Bazovy'j fenomen «ya-konczepczii»: chuvstvo sobstvennoj znachimosti [The basic phenomenon of self-concept: a sense of self-worth]. *Gumanitarnye issledovaniya – Humanitarian Studies*, 1 (18), 55–58.

10. Yung, K. G. (2006). *Oчерki po psikhologii bessoznatel'nogo [Essays on the Psychology of the Unconscious]*. M.: Kogito-Czentr.
11. Yung, K. G. (2016). *Arkhetip i simbol [Archetype and symbol]*. M.: Kanon+ROOI "Reabilitaciya". URL: https://bookap.info/psyanaliz/yung_arkhetip_i_simvol.
12. Alam, J. & Dulal, M. (2018). Coping Strategies of Stress Tolerance in Relation to Military Training. *Global Journal of HUMAN-SOCIAL SCIENCE: A Arts & Humanities – Psychology Type*. URL: https://globaljournals.org/GJHSS_Volume18/1-Coping-Strategies-of-Stress.pdf.
13. Armstrong, K. I. (2018). Feel Your Pain?: The Neuroscience of Empathy. URL: <https://www.psychologicalscience.org/observer/i-feel-your-pain-the-neuroscience-of-empathy>.
14. Axmacher, N., Do Lam, A. T., Kessler, H., & Fell, J. (2010). Natural memory beyond the storage model: repression, trauma, and the construction of a personal past. *Frontiers in human neuroscience*, 4, 211. DOI:10.3389/fnhum.2010.00211.
15. Bosworth, H. B., Kwang-Soo, P., Douglas, R. (2003). The impact of religious practice and religious coping on geriatric depression. *Int. J. Geriatric Psychiatry*, 10, 905–914.
16. Bouchard, G., Guillemette, A., Landry-Leger, N. (2004). Situational and dispositional coping: an examination of their personality, cognitive appraisals and psychological distress. *European Journal of Personality*, 18, 221–238.
17. Breslau, N., Kessler, R. (2001). The stressor criterion in DSM-IV posttraumatic stress disorder: an empirical investigation. *Biol Psychiatry*, 50(9), 699–704. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0006-3223\(01\)01167-2](https://doi.org/10.1016/S0006-3223(01)01167-2).
18. Carr, A. (2019). *Positive Psychology and You: A Self-Development Guide*. Routledge. URL: <https://www.amazon.co.uk/Positive-Psychology-You-Self-Development-Guide-ebook/dp/B07WJNCBR8>.
19. Cramer, P. (2002). Defense mechanisms, behavior and affect in young adulthood. *Journal of Personality*, 70(1), 103–126.
20. Crocker, J. & Major, B. (1989). Social stigma and self-esteem: The self-protective properties of stigma. *Psychological Review*, 96(4), 608–630.
21. Garssen, B. (2007). Repression: Finding our way in the maze of concepts. *Journal of Behavioral Medicine*, 30(6), 471–481. DOI:<http://dx.doi.org/10.1007/s10865-007-9122-7>.
22. Jing, J., Liu, W., Reed, M. (2019). Reframing the individual stress response: Balancing our knowledge of stress to improve responsivity to stressors. *Stress & Health*, 5, 607–616. <https://doi.org/10.1002/smi.2893>. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/smi.2893>.
23. Juni, S. (1998). The defense mechanisms inventory: Theoretical and psychometric implications. *Curr Psychol*, 17, 313–332. DOI: 10.1007/s12144-998-1014-7.
24. Knežević, M., Krupić, D., Šućurović, O. S. (2016). Coping strategies in war veterans 20 years after the exposure to extreme stress. *Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja*, 3, 354–370. URL: C:/Users/master/Downloads/di133_04knezevic.pdf.
25. Mattila, A. M., Crandall, B. D., Goldman, S. B. (2011). U. S. Army combat operational stress control throughout the deployment cycle: a case study. *Work*, 38(1), 13–8. DOI: 10.3233/WOR-2011-1100.
26. Nash, W. P. (2007). Combat/operational stress adaptations and injuries. In C. R. Figley & W. P. Nash (Eds.). *Routledge psychosocial stress series. Combat stress injury: Theory, research, and management*, 33–63.
27. Pargament, K. I. (2001). *The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice*. New York, Guilford Press.
28. Tan, S. Y., Yip, A. (2018). Hans Selye (1907-1982): Founder of the stress theory. *Singapore medical journal*, 59(4), 170–171. DOI:10.11622/smedj.2018043.
29. Taylor, L. S., Fiore, A. T., Mendelsohn, G. A., & Cheshire, C. (2011). "Out of my league": A real-world test of the matching hypothesis. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 37(7), 942–954. DOI: <http://dx.doi.org.ezaccess.libraries.psu.edu/10.1177/0146167211409947>.